

Так получилось, что за последние несколько месяцев обстоятельства трижды сводили меня с Надеждой Бабиной. И все — в фестивальной, праздничной, конкурсной обстановке: то на «Карусели» Нижнего Новгорода, которую она породила, провела, стала «хозяйкой» и дала билет на будущее. То на «Славянском базаре» в Витебске, куда ее пригласили в международное жюри конкурса молодых исполнителей популярной песни и выбрали председателем этой «судейской коллегии». То на грандиозном севастопольском сборище самых-самых — «Звездном прибое», — где она представительствовала со своим ансамблем «Русская песня» в числе «звезд» российской эстрады.

Всюду, как всегда, вокруг «казачки Нади» — аура энергии, оптимизма, веселья, молодости духа, добра, добра и добра. Видно, уж так свободно и безоблачно живет Надежда Бабиной, уж такое благополучие обеспечено ей на каждом шагу. Шутки, улыбки, смех — другого я не замечала...

И вот в Москве, в короткие часы сравнительного затишья между делами ансамбля и Центра русской песни, между консультациями молодым певцам и подготовкой к очередным зарубежным гастролям, ангажирую Надежду Георгиевну на двухчасовую беседу. Бог ты мой! Полная неожиданность: откуда такие горькие мысли и слова в ее горячем монологе! Столько тревоги!

точки зрения работают сегодня в Министерстве культуры Российской Федерации. Они никак не хотят или не могут понять, что тем самым «мы» становимся врагами собственной культуры. «Мы» — это люди, которые упорно мешают мне.

Ведь те горькие периоды, когда народный жанр не признавался, отвергался, как раз и есть результат непонимания этих неизбежных законов. Лет 10—15 назад публика валом валила на выступления исполнителей народного искусства — хоров, солистов. Потом наступил

до сих пор слепо заимствуем «их» — чужое. И почему-то никто не хочет или не может понять, что тем самым «мы» становимся врагами собственной культуры. «Мы» — это люди, которые упорно мешают мне.

Проблем много, много общих вопросов, связанных именно с бережным отношением к культуре своего народа и с ее развитием. Есть абсолютно простые истины, которые почему-то предаются забвению: известно, если ты не будешь ценить и уважать свою культуру, ты не будешь уважительно относиться к культуре других народов. Это — закон. Почему же его надо кое-кому напоминать? А приходится!

Как ни странно, когда я задумала эпопею с «Нижегородской ярмаркой», я получила крепкую поддержку в

время, когда хоровое движение было массовым (не так давно, лет с десяток назад), и всех «подбрасывали» под одну гребенку, выстраивали в шеренгу по стойке смирно и выбирали: ты нам нравишься, ты — не нравишься, ты — «рожей» не вышел, ты — умом. Так — просто и удобно... Уж больно близки эти воспоминания к нынешним контактам с министерскими работниками.

Да, сегодня другие ситуации и другие возможности. Ансамбли малых форм выросли как грибы. Им предоставлена свобода, они как могут пробиваются, продираются. Только как жить без гарантии на помощь, на внимание, если даже «Русской песне» — коллективу, по общему признанию, лидирующему в жанре, приходится, ох, как тяжело!

Разрешу себе пожаловаться на свои беды. Прекрасно понимаю, что без трудностей, без препятствий, которые приходится постоянно преодолевать, я бы не покрепчала. Такая уж моя планета, судьба — либо преодолеть, либо погибнуть. Середины — не дано. В один прекрасный день скажу: «Я брошу все» — это исключено! Я могу сказать «брошу», но на один час, а потом снова иду в этот бой.

Меня всегда бичевали. Меня мало кто поддерживал. Только зрители, в которых я нуждалась, а они, я чувствовала всем своим существом, нуждались во мне. Им я безмерно благодарна — благодарна людям, которые мне аплодируют, которые мне пишут письма, приносят цветочков, которые смотрят на меня с теплотой, и я читаю в их взгляде, что вселяю им веру и надежду на лучшее будущее.

Передо мной никогда не вставала проблема «свалить за рубеж», как это сделали многие другие коллективы, хотя и мы могли бы совершить такое. Наверное, перед теми, кто прельстился легкой жизнью, возможностью зарабатывать валюту, стояли иные задачи, чем у нас: их не волновали проблемы развития и сохранения отечественной культуры. И что же получается? Они сейчас в полном порядке, а я со своими идеями ношуся, бедствую во всех смыслах, везде хожу с протянутой рукой, унижаюсь, заведомо зная, что делаю плохо, но знаю, во

имя чего это делаю, потому что, к сожалению, культура тех людей, с которыми я общаюсь на разных этапах и в разных инстанциях, далеко не соответствует тому, что должно было бы быть по нынешним временам.

Мне очень жалко Будто я — один в поле воин». Пусть не покажется, что я возвеличиваю себя, воздвигаю сама себе памятник. Нет, прекрасно знаю себе цену, знаю море собственных недостатков — куда ни ткнись, их множество. И все же, если человек делает полезное — это видно, а если он лентяй и урод — тоже видно. Поэтому я собираю вокруг себя людей, которые хотят и умеют вкалывать на совесть. Где-то у нас пробуксовка, где-то ошибка — мы все учимся, ибо на нас неожиданно обрушилась такая непонятная жизнь. Мы не были к ней готовы, но это не означает, что надо приспосабливаться, изменяя своим моральным устоям, жизненным принципам.

Сегодня я испытываю колоссальнейшие трудности. Деятельность Центра русской песни и ансамбля «Русская песня», скажу без всяких преувеличений и самовозвеличивания, представляет государственную ценность. А следовательно, нуждается в государственной поддержке и опеке. К сожалению, этого не происходит в тех государственных структурах, которые призваны решать подобные проблемы и являются нашими властителями. Меня всегда мучает один вопрос: а не будь нас, артистов, отвернись мы от этих «властелинов» и создай какую-то свою корпорацию или ассоциацию (как угодно это называйте), чтобы никогда не обращаясь ни к одному из чиновников — вершителей судеб искусства, — любопытно, как и сколько времени они продержатся без нас?

Не скрою, сегодня я хочу, чтобы наш Центр стал Государственным фольклорным центром русской песни. И при этом, чтобы государство дотировало нашу деятельность по тем ценам, которые представляют ныне минимум. Минимум, подчеркиваю! Не для того, чтобы построить себе виллу или даже дачу, чтобы улучшить свои бытовые условия, хотя они у меня — как-никак народной артистки России (как принято афишировать — достойная Отечества) — просто постыдные, не поддаются описанию. Но не в том суть...

Когда я в Министерстве культуры заикнулась по поводу государственной структуры и дотации, меня тут же осадил: «Ты что, хочешь быть выше?», и соответственно назвали актерские имена. «Хочешь, чтобы они подняли скандал, если Центр станет государственным и ты получишь дотацию?» Такое мне говорит заместитель министра культуры. Говорит в глаза. Нормально? То есть как «хочу?». Я и есть выше. Уже. Без вашей помощи. Тем, кто был назван, вы подсобили, потому что «избрали» их, а коли вырос человек, вулкан без всякой посторонней помощи, что, его надо зату-

шить? Да не бывает этому никогда!

За период моей деятельности поменялось 6 министров культуры, уж не говоря о сменявшихся замах. А Бабакина есть одна. И будет! И снова роится в мозгу мысль, что бессмысленно обращаться в министерство, чего-то ждать от него, искать помощи. Кстати, фестиваль «Славянский базар» суперпрофессионально организовала и провела московская фирма «Ирида» (президент — режиссер Сергей Винников, ответственный секретарь конкурса — Иван Несвит) — маленький концерт, в котором есть все виды деятельности, связанные с бизнесом творческих людей и проведением фестивалей. Это ведь лишний раз доказало, что без Министерства культуры можно прекрасно обойтись даже в таких крупных международных фестивалях акция!

И все же, где решать проблемы? Как решать? К примеру, у нас нет своей территории. У нас — сиречь у Центра русской песни. Смешно сказать, центров в Москве много — всяких, разных, связанных с культурой, — а у Центра русской песни ничего нет. Нас приютили военные люди — Дом офицеров дал крышу. К нам относятся там прекрасно — понимают, что духовную жизнь надо охранять сегодня, как границы Отечества. А когда мы нашли возможный вариант стать «самостоятельными», — нашли музыкальную школу, которую взяли бы под свое крыло и там бы обосновались наш Центр, натолкнулись на полное безразличие Моссовета и оказались в замкнутом кругу: «футбол» нас кто может и как может, не желая ничего решать.

Как-то я прочитала в одной из газет, что каждый клочок земли в Москве, каждое здание, как утверждает автор, не называя никаких имен, запродало разным мафиозным структурам. Страшно верить, но судя по тому, как мои бумаги, между прочим, поддерживаемые высокими правительственными чинами и видными деятелями Верховного Совета России, на протяжении долгого времени бродят из кабинета в кабинет Моссовета, от одного чиновника к другому, мне, видно, ничего не светит.

Осталась одна надежда, один последний шанс — обратиться к Президенту России. Потому что унижают не меня, Бабакину, а унижают дело, которому я отдала свои силы без остатка: унижают идею, которую я проповедую, унижают народное достоинство России — русскую культуру.

Морально человек крепчает в борьбе, и я к этому привыкла, но ведь физических сил остается все меньше и меньше. А ведь ратуя я, борюсь не за собственное благополучие, а за дело святое и благородное. Это не громкие слова, не лозунг — это смысл моей жизни!

Итак, что даст последний шанс?

Записала
М. ИГНАТЬЕВА.

● Надежда Бабакина в жюри конкурса «Нижегородской карусели».

Надежда Бабакина:

Что даст последний шанс?

ты Смирновой и Юрия Селиванова, — конечно, придерживаются наших творческих принципов. Я им помогаю в работе, но вместе с тем по возможности предоставляю самостоятельность, давая возможность самим прочно стать на ноги. Я за то, чтобы молодые пробовали, держали в поисках своего творческого лица, а для этого надо много раз ошибиться, не боясь шишек и синяков.

На мой взгляд, самое ценное, что есть во всех моих подопечных коллективах, — они несут в своем творчестве добро. И еще одно — они понимают, ради чего пришли в искусство, что хотят сказать людям. В артисты сейчас стремятся идти все: со стороны кажется — это так легко, и такая красивая жизнь у тех, кто выбрал эту стезю. А на самом деле столько грязи, столько действительно испорченных людей, которые, как губка, впитывают все негативное в нашей жизни, и в первую очередь в культуре; она, улы, может стать равно проводником прекрасного и уродливого.

И тут, к сожалению, вынуждена еще раз упомянуть средства массовой информации, печать, журналистов и укорить многих ваших коллег за то, что они с удовольствием выволакивают на свет божий всю грязь, смакуют ее и почти не замечают достоинств, которым возможно порадоваться. Вспомните, как мало и скупое, кроме вашей газеты, писали о «Нижегородской карусели». А ведь это была очень важная, серь-

езная акция, многое удалось сделать.

Я считаю себя обязанной сделать все, чтобы песенные традиции, бытовавшие долгие годы, многие века, создававшиеся нашими прапрапра-людьми, дедами, бабушками (как угодно можно их называть — это целые эпохальные пласты), приблизить к нашему времени, чтобы они стали интересны и нужны нынешним поколениям. То есть, относясь бережно, сохраняя, — развивать. Что мы и делаем.

Весь материал, существующий в фонотеке Центра (много там и экспедиционно-го, привезенного нами самими), доступен, мы широко пользуемся им. Собрано море, и того, чем мы располагаем, хватает не только всем нашим коллективам, но и всем тем, которые создаются и будут создаваться. Таким образом, есть реальная возможность использовать эти сокровища в концертном репертуаре и говорить с людьми со сцены о прекрасных образцах песенной русской культуры языком искусства подлинного.

Однако не все произведения из народной сокровищницы могут быть сегодня интересными, любопытными. Ведь известно, в каждом времени — своя культура, свое ощущение жизни и восприятие ее. Не соглашались с этим — просто смешно. Меня многие фольклористы как раз в том и уличали, что я отхожу от традиций, бытовавших при Царе Горохе. Более того, приверженцы подобной

резкий спад. И в деревнях, селах почти замолкли традиционные обрядовые мелодии, нет бытовавших праздничных действ, связанных со сменой времен года или календарными датами, которые в свои студенческие годы я посещала с экспедициями, записывала. Все это, к сожалению, почти утратилось.

А главная тревога: уходят из жизни люди старшего поколения, которые владели этими изустными богатствами, и уносят их с собой, уносят все знания, все умения, всю ту эпоху. Вот и встает задача ее сохранения: чтобы она не ушла бесследно, придала оставшемуся лоск и блеск современности и таким образом привлечь внимание молодежи. Нет, не к себе лично, а к своему направлению, к русскому песенному фольклору. Приблизить его к тому, что сегодня называют эстрадой.

Я говорю об отечественной культуре — западная меня интересует меньше всего, по той простой причине, что она у них всегда была и всегда — в среднем объеме. У нас же почти со всеми другими музыкальными жанрами — с оперой, балетом, симфонической музыкой классической и современной — полный порядок. Но лично я не могла бы назвать ни одной нашей эстрадной нынешней «звезды», которая на сегодняшнем этапе была бы по значению на таком же уровне, на каком у них вся эстрадная музыка, начиная от джаза, рока — любого направления. Почему? Да потому, что мы

Верховном Совете и правительстве России. И при этом, представьте себе, Министерство культуры России осталось в стороне. Более того, когда я пришла со своими идеями к ним, в ответ последовало: «Зачем тебе это надо?». Естественно, я поразила, не понимая — не туда хожу. Что ж, обойдусь! Организовали «Карусель» Центра русской песни с помощью городской и областной администрации Нижнего Новгорода, «Нижегородская карусель» принесла неплохие плоды — дала новые имена, показала, что у нас в разных регионах есть хорошие коллективы, есть одаренные ребята в нашем жанре, и они могут развивать культуру. Было и открытие новой звезды — Лены Цыпенковой, победительницы конкурса (из Санкт-Петербурга), которая дала колоссальную надежду на будущее — это Талант.

И все это без Министерства культуры. Спрашивается, зачем тогда нужны эти люди, которые вроде бы вершат нашу судьбу? Поскольку министерство существует, мы приходим получать у них разные бумаги, письма, разрешения, рекомендации, одобрения. Однако в их «документах» и общении меньше всего ощущаешь желание помочь, поддержать. Напротив, бесконечное торможение в решениях самых разных вопросов, я бы даже сказала, неприязнь по отношению к тем, кто проявляет «чрезмерную» активность, чего-то хочет, выделяется из касты «одинаковых». Вспоминаю